Француз. Возвращение в Чортков

или австрийский еврей в украинском интерьере

Большинство украинцев никогда не слышали имени этого писателя-еврея, хотя он одним из первых познакомил Европу с украинской культурой, открыв для нее, в частности, творчество Тараса Шевченко. Соплеменники же помнят этого интеллектуала разве что по крылатому афоризму: «Каждая страна имеет таких евреев, каких заслуживает».

Памятник Карлу Эмилю Францозу в его родном Чорткове должны были открыть давно. Но сделали это только сейчас и на деньги правительства ФРГ — в преддверии 170-летия со дня рождения человека, которое будет отмечать вся культурная Европа.

Семейная история Францоза удивительна даже для еврейских биографий, которые редко бывают банальными. Прадед писателя — специалист по литейному делу — обитал во французском Нанси, но вступил в конфликт с

еврейской общиной — соплеменники усмотрели в отливке им статуэток нарушение запрета на идолопоклонство. В итоге мастер переехал в 1770 году с семьей в Польшу, где построил каждому из двух сыновей чугунолитейную фабрику — в Варшаве и Тернополе (тогда — Тарнополь). Дед Француза в 1790-м продает фабрику, переезжает из Тарнополя в Лемберг (ныне — Львов) и посвящает себя изучению немецкой культуры, в преклонении перед которой воспитал и детей, сохранивших, однако, еврейскую идентичность. Характерно, что при присвоении фамилий евреям австрийские чиновники припомнили германофилу французское происхождение, так и записав в ведомости: Француз (по-немецки «француз»), игнорируя настоящую фамилию — Леферт.

На открытии памятника Карлу Эмилю Французу

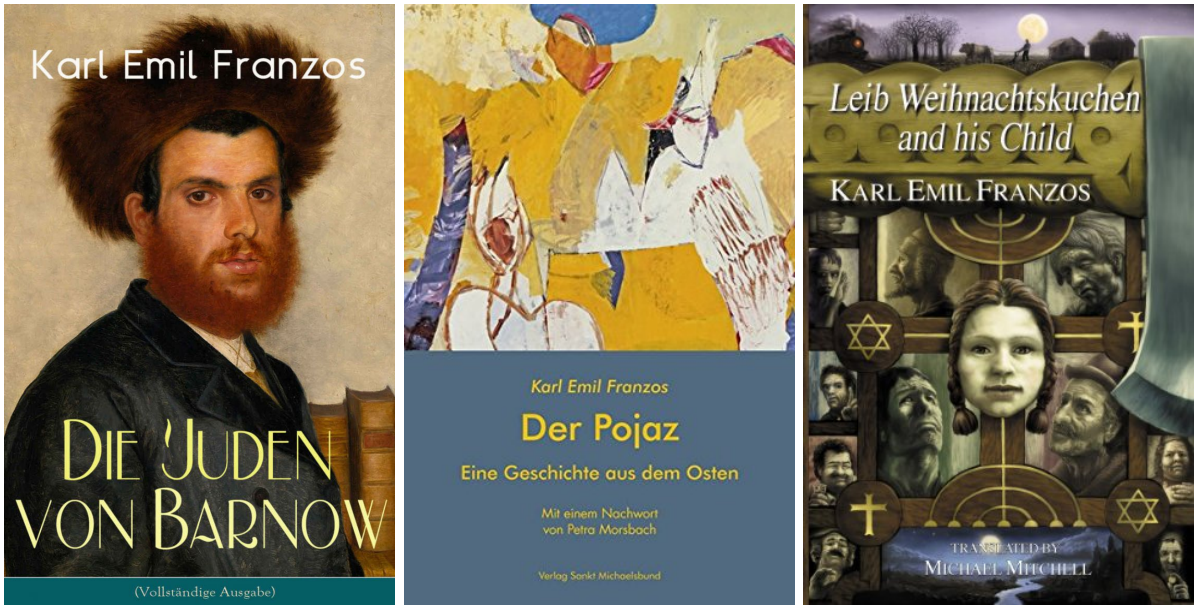
Отец Француза — Хайнрих, окончивший медицинский факультет Венского университета, стал первым галицийским евреем, получившим высшее образование. Будучи уездным врачом в местечке Чортков, в революционном 1848-м он оказался одним из лидеров восстания (украинская община даже хотела избрать его депутатом в Венский парламент) и, опасаясь репрессий, переправил беременную жену через границу в Россию, где в одной из приграничных деревень (по другим сведениям — в домике лесника) родился

Карл.

Когда страсти поутихли, мать (она была родом из Одессы) возвращается с маленьким сыном в Чортков, где и проходит его детство — среди украинских крестьян и местечковых хасидов. Его няней была украинская девушка, поэтому одним из первых языков мальчика стал украинский, в школе он изучал польский и латынь, брал частные уроки иврита, а после смерти отца поступил в немецкую гимназию в Черновцах. Интересно, что в юности Францоз был крайним немецким националистом, мечтавшим о воссоединении Германии с Австрией и экспансии германской культуры на славянские земли.

Еще в студенческие годы — Карл изучал право в университетах Вены и Граца — он начал публиковаться в газетах и журналах. В 1872 — 76 гг. в качестве корреспондента венской газеты Neue Freie Presse Францоз путешествует по России, Турции, Египту и странам Центральной Европы, а путевые очерки, вышедшие в Лейпциге в 1876-м, сразу сделали его имя широко известным в Германии и Австрии.

Европейское признание принес молодому автору и изданный в 1877 году сборник «Евреи Барнова», где мифический Барнов и есть тот самый Чортков, детские воспоминания о котором послужили основой произведения. Чего в нем нет — так это идеализации еврейской общины, напротив, Францоз безжалостно препарирует патриархальную еврейскую среду с ее суевериями и предрассудками — и в этом тоне нет презрения, скорее, сочувствие ост-юден со стороны модернизированного еврея. Собственно, в Die Juden von Barnow и появляется ставшая знаменитой фраза о странах, имеющих таких евреев, каких они заслуживают, с вполне патерналистским продолжением: «…и не вина польских евреев, если они стоят на иной культурной ступени, чем их единоверцы в Англии, Германии и Франции».

Книги, вышедшие из-под пера Француза

Можно упрекать писателя в высокомерии, но сегодня этот сборник (переведенный на 16 языков, среди которых нет украинского!) интересен иным: «Евреи Барнова» — едва ли не единственное свидетельство о жизни Чорткова середины XIX века.

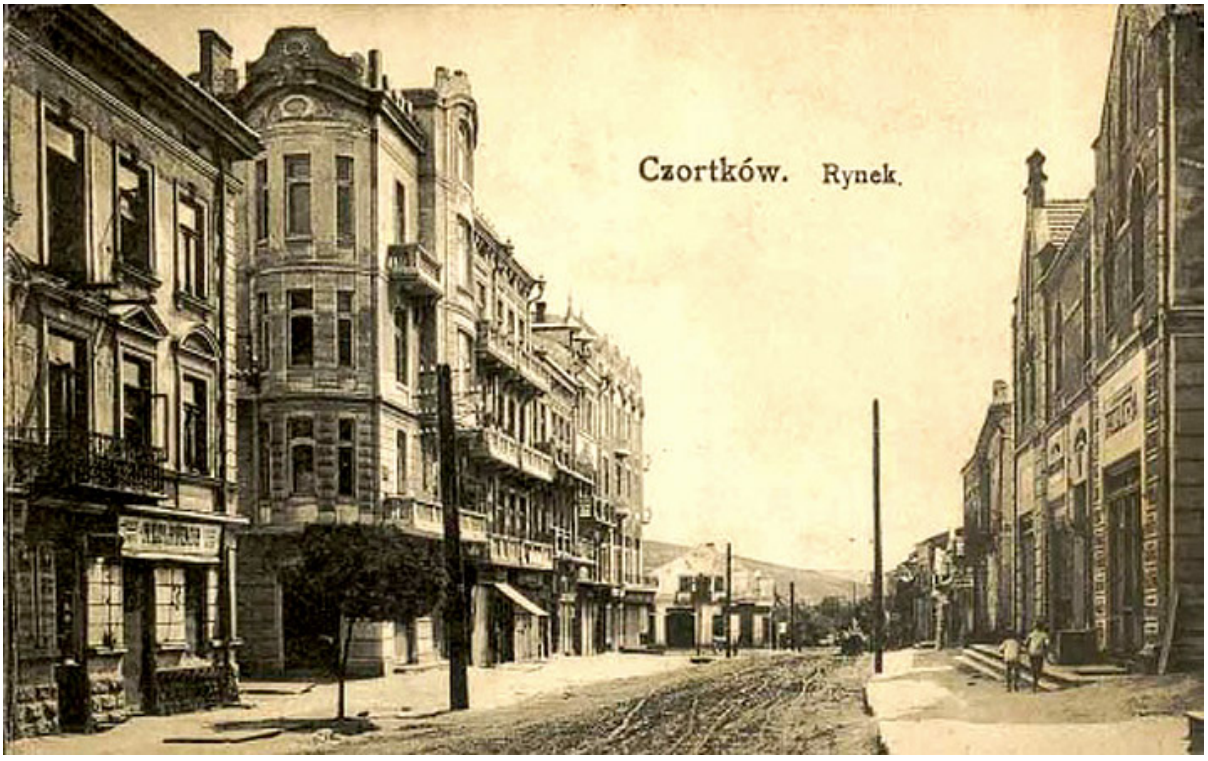
В 1877 году Француз становится юрисконсультом еврейской общины Вены, занимаясь одновременно литературным творчеством, а в 1882 — 85 гг. будучи издателем Neue Illustrierte Zeitung.

Характерно, что его юношеский немецкий национализм уступает место искреннему интересу к традициям и культуре разных народов, прежде всего, украинского. Первый свой перевод Тараса Шевченко он опубликовал еще в 1870-м в альманахе Buchenblatter. Более того, стихотворение «Минули літа молодії» (в версии Француза — «Erwarte nichts») вообще стало одним из первых переводов украинского поэта на иностранные языки.

«Восстание в Воловце», «Судья из Бялы» — это названия очерков о жизни украинских крестьян, вполне естественных для писателя, поднявшего на щит лозунг «против угнетателей — за угнетенных». Об этом же и самое крупное произведение Француза — роман «Борьба за право», изображавший борца за социальную справедливость Тараса, который в столкновении с польским помещиком и цесарской властью отстаивает интересы украинских односельчан. Под пафосным названием «За правду!» эта вещь Француза (одна

из очень немногих) щедро издавалась в Советской Украине.

Из-под пера этого австрийского еврея вышел огромный очерк «Литература малороссов» (Die Literatur der Kleinrussen), охвативший важнейшие этапы истории украинского народа — от Киевской Руси («Слово о полку Игореве») до современной Францозу новой украинской литературы XIX века. «Возможно, кто-то из образованных людей и знает, что Тарас Шевченко — это певец, с которым не может сравниться ни один другой поэт славянского племени», — писал Францоз, сетуя, что столь богатая литература остается недоступной западному миру. Отчасти он возлагал вину за это на российское самодержавие: «Ни один другой народ не находился в начале XIX века в худшем положении, чем малороссы… московская политика, направленная против Малороссии, политика последовательного пренебрежения, не имеет никакого морального оправдания». Тем не менее писатель убежден, что «Чем сильнее гнет, тем сильнее сопротивление […] Подавляемые поляками в Галиции, великороссами — в царской России, они [украинцы] все же сохраняют свою этническую природу, свою народную поэзию, свою литературу».

Чортков в начале XX века

Францоз очень ценил украинскую народную песню, полагая, что лиризм украинского фольклора не имеет себе равных. «Каждый украинский

крестьянин — поэт», — утверждал он, вспоминая, как простые крестьяне Галиции и Буковины могли днями напролет услаждать слух народными песнями, не повторяясь ни разу.

Это не выглядело восторгами безвестного критика — литературный авторитет Француза был очень высок, произведения еще при жизни автора были переведены на 15 языков, а его влияние как редактора и издателя трудно переоценить.

Писатель прожил не очень долгую жизнь — он скончался в 1904-м в Берлине и был с почестями похоронен на еврейском кладбище Вайсензее. В Европе эхо его славы звучало громче, чем на малой родине, хотя в Черновцах до 1918 года существовала улица имени Француза, в отличие от Чорткова, где о земляке вспомнили лишь недавно.

Впрочем, и Агнон лишь в 1990-х стал «своим» для современного Бучача, как и Бруно Шульц для Дрогобыча, но именно эти имена вписали провинциальные украинские города в европейский контекст. В Чорткове подхватили эту тенденцию, поэтому к 170-летию писателя планируется издать на украинском его «Евреев Барнова», во всяком случае, коллектив местного литературно-художественного журнала «Золота Пектораль» уже работает над переводом. Обсуждается также учреждение международной литературной премии имени Карла Эмиля Француза, возможно, появится улица его имени…

Наверное, это тот случай, когда фраза «лучше поздно, чем никогда», прозвучит вполне уместно.

Михаил Дор